

К.Лукашевич

Бедный родственник.

Дело было под вечер. По снежной почтовой дороге ехала кибитка. Уныло позвякивал колокольчик; пара чахлах лошадок плелась тихо; ямщик дремал на козлах; кажется, дремал и седок, плотно закутавшись в шубу.

Дорога была ровная; снег пушистый и ослепительно белый: он, вероятно, только что выпал и не успел почернеть от езды. Воздух был прозрачный, с легким морозцем. В такую пору ехать -- одно наслаждение. Но не так думали седок и ямщик.

Темнело. На далеком синем небе загорались ранние звезды, по белому снегу виднелась дорога, по сторонам ее -- мелкие кустарники, вдали обрисовывались темные силуэты не то гор, не то леса.

Ямщик вдруг встрепенулся на козлах и подогнал лошадей. Седок тоже оправился и сел поудобнее. Он не спал и из-за приподнятого воротника зорко следил за ямщиком. Тот, покрикивая на лошадей, повернулся и посмотрел на седока из-под рукава своего кафтана. Лицо у него было круглое, с бородкой, черты лица крупные; сам он был коренастый детина, широкоплечий, высокого роста.

-- Как он на меня странно смотрит", -- подумал седок, приподнялся с сиденья, опустил воротник и закашлялся.

Ямщик замахал кнутом и звонко свистнул на лошадей.

"Свистит... Дает о себе знать", -- подумал седок

-- Послушай, любезный, -- сказал он. -- Ты у меня так свистеть не смей!

Ямщик ничего не ответил, но, проехав с версту, снова обернулся и в упор посмотрел на седока.

"Опять смотрит, -- подумал тот. -- Ну, погоди ж ты! -- Я тебя приструню, приятель"

Ямщик, кажется, хотел свистнуть, но как бы вспомнил что-то, и из его рта вылетел неопределенный звук вроде шипения, который моментально замер.

Седок завертелся в кибитке и сильно крякнул.

Ямщик быстро обернулся и посмотрел на него пристально и долга

Тогда седок привстал в кибитке и, положив руку на плечо ямщика, сказал отрывистым и резким тоном:

-- Послушай, любезный, если ты еще раз обернешься и станешь так на меня смотреть, то я всажу тебе в спину пулю. Слышишь? У меня ведь в руках револьвер. Так и знай!

Ямщик опять ничего не ответил, но как-то весь съежился на козлах и погнал шибко лошадей. Откуда у тех и прыть взялась!

Кибитка, подпрыгивая, пролетела стремглав по мосту, поднялась на гору и спустилась в лощину. Дороги была глухая: ни прохожих, ни приезжих; по обеим сторонам темнел густой лес. Деревья, запорошенные снегом, стояли близко друг к другу и, раскинув широко ветви, казались сказочными великанами.

-- Что ты гонишь лошадей как сумасшедший? -- крикнул сердито седок.

Ямщик молчал и, не обращая внимания на слова барина, стал еще сильнее хлестать кнутом по худым бокам лошадей. Кибитка неслась, как стрела, по темной лощине

-- Не смей так гнать лошадей! Слышишь!? Тебе я говорю! Поезжай тише... Ты что же это?! Тише!" -- кричал барин, привстав в кибитке и схватив ямщика за плечи.

-- Сидите себе, барин. Я знаю, что делаю... Не впервые... Тут место нехорошее. В этой лощине всяко бывает. Поскорей бы из нее выехать, -- тревожным голосом ответил ямщик, не оборачиваясь.

Не успел он это сказать, как в то же мгновение на повороте, из кустов, с правой стороны дороги выскочили двое людей; они громко закричали, чем-то махнули и бросились к кибитке. Испуганные лошади шарахнулись в сторону и остановились, так как зацепились постромками за кусты. Затем произошло что-то ужасное: крики, возгласы, брань, возня, грохот, борьба. В темноте ничего нельзя было разобрать. Седок беспомощно кричал, порываясь выскочить из кибитки, но его толкали в грудь, стягивали с него шубу, тащили шапку, рылись в его вещах. Наконец сильные руки закрыли ему рот и сдавили горло; в то мгновение в его голове мелькнуло, что все уже кончено; затем он потерял сознание...